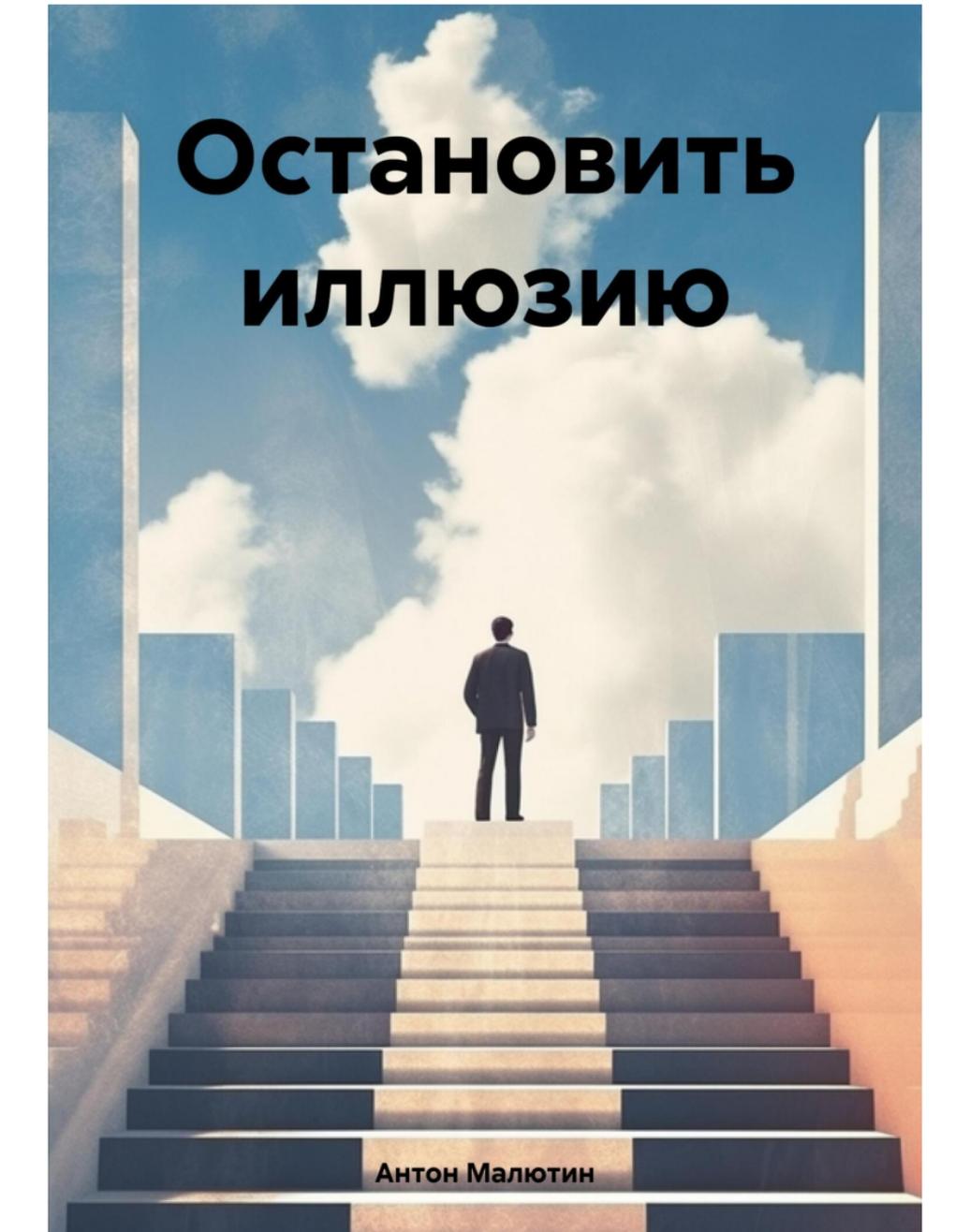


# Остановить иллюзию

A man in a dark suit stands at the top of a wide, multi-colored staircase (shades of blue, grey, and orange). He is looking out over a stylized city skyline with various blue buildings of different heights. The sky is bright blue with large, white, fluffy clouds. The entire scene is framed by tall, thin, light-colored structures on either side, creating a sense of depth and perspective.

Антон Малютин

# Антон Олегович Малютин

## Остановить иллюзию

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=70253461](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70253461)*

*SelfPub; 2024*

### Аннотация

Легко ли отличить иллюзию, созданную Иллюзионистом, от реальности? Игорь убеждается, что с каждым новым испытанием Иллюзионист становится всё более умелым, а разоблачить его становится всё сложнее. Но наступит ли момент, когда иллюзия полностью поглотит испытателя, высосав его душу до самого конца?

# Антон Малютин

## Остановить иллюзию

Яркий бледно-оранжевый шар висит где-то над затылком, нещадно паля и бомбардируя потоками ультрафиолета бледную кожу на голой спине и шее. Жара. Ни единого дуновения ветра, ни единого движения травы, ничто не нарушает этот бесконечный покой и умиротворение.

В левое плечо будто впиалась игла. Привычное движение руки, хлопок – и чёрное безжизненное тело мошки падает куда-то вниз, теряется в широкой разрезной листве и навсегда исчезает из этого мира. Почти ничто не нарушает это умиротворение и бесконечный покой. Лишь надоедливая мошкара, да редкие комары, которые никогда не упустят возможности бесплатно поживиться на дачниках.

Огромные, сочные, такие манящие и предвещающие сладость, познанную когда-то в далёком детстве, ягоды свисают с веточек, прячутся под листвой, норовят убежать от пальцев. Но малина в этом году слишком хороша, и ни одной ягодки не будет упущено, ни одного красного пятна не останется на этом зелёном фоне, все они окажутся в этой пластиковый баночке, все они пойдут в дело, каждая из них будущей зимой, такой холодной и долгой, напомнит об этом жарком лете, об этих счастливых днях, об этом беззаботном настроении...

Игорь разогнулся, почувствовав, как напряжена его поясница. Кажется, эти кусты всё. Хотя нет, вот ещё несколько ягод. Как же Игорь мог их упустить? Он же обшарил каждую ветку, заглянул под каждый лист. Эти ягоды возникли здесь будто по волшебству, и они так манят своей сочностью, своей налитой мякотью, своим пронзительно-красным цветом.

Наверное, он просто утомился, поэтому и не заметил их.

Игорь снова пригнулся, отодвинул здесь один лист, другой там, собрал спрятавшиеся ягоды и положил их в почти доверху наполненную баночку. Нет, надо отдохнуть. Малина никуда не денется, а вот спину стоило бы поберечь.

Кусты настолько густые, что пробираться через них не так-то просто. Обнажённая кожа рук и ног то и дело ощущает эти быстрые и неприятные укусы, которые остаются от мелких-мелких шипов на ветвях. Однажды весной при обрезке старой малины он обнажил торс, и через несколько дней его руки покрылись аллергией и болячками – так малина отомстила ему за вмешательство и за острый секатор. С тех пор Игорь всегда принимал самые жёсткие меры предосторожности, чтобы свести контакт с предательскими шипами малины к минимуму. Но сейчас так жарко, так ласково греет кожу солнце, так маняще пахнут ягоды, что футболка была мгновенно сброшена и оставлена где-то в домике.

Какая высокая малина. Разве она была такой высокой? Кажется, он давно не обрезал её. Хотя нет, весной он, как обычно, вырезал все старые ветви, оставив только новые и моло-

дые. Но почему она такая густая и высокая?..

Игорь продирался сквозь кусты, которые уже накрыли его с головой. Солнечные лучи терялись в густой листве, лишь яркими проблесками попадая в глаза и создавая тени самых замысловатых форм. Ветви кусались всё больше, оставляя царапины на руках, на рёбрах, на шее, на спине. Некоторые царапины через мгновение превращались в тонкие цепочки мелких красных капелек, выступавших из кожи. Солнце совершенно исчезло, кусты стояли вокруг непроходимой стеной.

Игорь остановился и замер. Кусты о чём-то шумели, от земли шла приятная прохлада, а солнце напоминало о себе лишь рассеянным светом.

И тут Игорь скривил губы и усмехнулся.

– Ох, ты ж...

Затем Игорь засмеялся. Сначала тихо, но с каждым мгновением смех становился всё раскатистее, всё веселее, всё громче. Этот смех захватил всего его, смех выходил из самого горла и срывался с губ, теряясь в этой густой зелёной листве. Кажется, весь воздух вокруг превратился в этот смех, который уже начал походить на смех сумасшедшего.

И вдруг – тишина.

Игорь отёр губы тыльной стороной ладони, осмотрелся, сорвал большую и сочную ягоду, отправил её в рот. И это было высшее удовольствие, которое он когда-либо испытывал в своей жизни. Такое было лишь однажды – давно-давно

в прошлом, в детстве. За прошедшие годы он утратил этот вкус малины, сорванной прямо с куста у бабушки в деревне. И вот сейчас он его вновь обрёл. За первой ягодой последовала вторая, третья, четвёртая...

Руки и губы Игоря покрылись сладким красноватым соком, и останавливаться не было никакого желания. Но остановиться нужно.

– Остановить иллюзию!

Несколько секунд ничего не происходило. Густые кусты всё так же закрывали небо, всё так же краснели налитые соком ягоды, все так же ощущался во рту этот сладковато-кислый, ни с чем не сравнимый вкус *той самой* малины.

Но вот мир потускнел, зелёные листья стали серыми, ягоды исчезли, солнце потеряло свой блеск и цвет. Уши будто заложили ватой, в нос ударил резкий запах нашатыря...

... Яркий свет ударил в глаза, запах нашатыря раздирал носоглотку, сердце гулко билось в груди, а голова трещала так нещадно, что казалось, будто она сейчас развалится на части. Не хватало воздуха, и Игорь с силой вдохнул, одновременно приподнявшись в кресле. Врачи уже были на месте, они подхватили его за руки и аккуратно, но настойчиво уложили обратно. Один из врачей нажал какие-то кнопки на приборах, окружавших кресло, а другой поправил катетер, который ослаб и почти вышел из руки.

Игорь не мог отдышаться. Только что увиденная картина

стояла перед глазами, он чувствовал себя буквально раздавленным, ему хотелось стонать, он был готов на всё, лишь бы успокоить эту физическую боль и снять это напряжение. Через несколько минут боль начала проходить. Всё-таки, врачи не зря получают здесь зарплату – они делали всё необходимое, чтобы испыталы как можно быстрее приходили в себя после иллюзии. И как можно дольше жили.

Но только голова раскалывается. Даже тяжелейшая мигрень с аурой могла показаться на этом фоне лёгким недомоганием. Руки и ноги уже слушались, а сердце не грозило разрываться на мелкие кусочки. Судя по сигналам от приборов, в которых Игорь за всё время испытаний научился кое-как разбираться на слух, давление было ещё слишком высоким, но уже снижалась. И остаётся только надеяться на врачей, которые ввели все нужные препараты, исключаящие образование тромбов, инсульты и прочие причины внезапной смерти.

Хотя здесь всё же бывают такие случаи...

Врачи сделали своё дело и оставили Игоря отдыхать. Через четверть часа Игорь мог сказать, что пришёл в норму. Насколько это вообще возможно после таких нагрузок. И тут появились исследователи. Сегодня здесь дежурили Паша и Настя. Они нравились Игорю, хотя однажды он поймал себя на мысли, что ему больше нравится Настя. Но так как ему никогда в жизни ничего не светило с ней, то он попытался относиться к ней как к более приятному сотруднику, чем многие другие. Ну, а Паша, как друг или нечто большее для На-

сти, стал восприниматься Игорем как неотделимое и неизбежное дополнение к девушке.

Началась обычная проверка и, как это называют между собой испытатели, «допрос». Сначала проверка чисто технической части, записи физиологических показателей, активности мозга и прочего. При этом Настя покачала головой и посмотрела на Игоря:

– Может, всё-таки, прекратите участие в экспериментах и разорвёте контракт?

– Нет... – Игорь произнёс это с трудом, язык ещё не хотел слушаться его. – Я много раз говорил вам, что...

Настя опять покачала головой, но больше ничего не сказала. Этот разговор поднимался уже не в первый раз, но Игорь всё время отказывался с одной и той же аргументацией: куда податься бомжу и инвалиду, который хотя и заработал немного денег, но их слишком мало для реальных дел и изменений? Нет, здесь и думать не о чем.

Формальности завершены, начался «допрос». Игорь рассказал обо всём, что видел. Он не только описал картину в целом, но и попытался вспомнить все маломальские детали, которые сегодня продемонстрировал ему Иллюзионист. Хотя для этого и не надо было особенно сильно напрягать память: иллюзия всегда настолько крепко внедряется в мозг, что даже реальность по сравнению с ней может показаться менее детализированной и разнообразной. И хорошо, если демонстрируются безобидные или, тем более, радостные ил-

люзии, наподобие той, что Игорь видел сейчас. Но когда приходят кошмары или настоящие триллеры, то...

– Как вы поняли, что это иллюзия?

– Кусты. Слишком высокие кусты, огромная малина. И слишком вкусные ягоды. Такого в жизни не бывает.

– Интересно, – в задумчивости проговорил Паша, – чем вызвана эта иллюзия? И почему именно такие высокие кусты, в которых вы потерялись?

– Это из детства... – Игорь снова облизнул губы, будто почувствовав вкус той самой малины. – Тут даже и думать нечего. Он взял мои воспоминания из детства. Я уже и забыл, как летом в деревне у бабушки лазал по этой малине, рвал её и ел прямо так, немытую. И она была такой большой. Точнее, я тогда был маленький, и пропадал в кустах, которые скрывали меня с головой, иногда представляя себе, что я в джунглях или на необитаемом острове. Вот он и взял это...

Человеческий мозг неидеален, воспоминания – не цифровая запись, а набор ассоциаций и реперных точек, на основе которых воспоминания каждый раз реконструируются. И, как любая реконструкция, воспоминания неидеальны. Но Иллюзионист, кажется, ещё не понял, как это работает, поэтому его иллюзии тоже далеки от идеала. Но время идёт, Иллюзионист учится, и если раньше его иллюзии кишели ошибками и часто казались бредом сумасшедшего, то сейчас они становятся всё более точными и реалистичными. Теперь разоблачить иллюзию удаётся по мелочам и нестыковкам,

на которые сразу и внимания не обращаешь. Игорь до сегодняшнего дня находил выход. Но, по слухам, уже несколько испытателей навсегда остались *там*, отдав свои жизни Иллюзионисту. А что будет дальше?

«Допрос» завершился. Сделаны новые записи наблюдений, которые пополнили и без того обширную базу. Игорь уже и не надеялся, что эти его испытания помогут познать Иллюзиониста и понять, почему иллюзии за считанные минуты высасывают жизнь из человека. Но кто знает?

Его буквально силой отправили отдыхать. К счастью, заработанных денег Игорю хватило на более или менее приличный протез, который был идеально подогнан к его культе и позволил отказаться от того убожества, которым он пользовался последние годы. Игорь вышел из института и поковылял в город. Солнце было почти таким же ласковым, как в его последней иллюзии, да и город со своей зеленью и улыбающимися людьми был почти таким же приветливым. И Игорь совершенно не обращал внимания на те косые взгляды, которые прохожие иногда бросали на калеку, который зачем-то портил вид и настроение этого прекрасного города.

А может и правда всё бросить и уйти? Да, денег у него немного, в институте за участие в экспериментах платят не слишком хорошо, но хотя бы кормят... Нет, ну куда он пойдёт? Ни родни, ни дома, ни прошлого, ни будущего. Спасибо институту – помогли с документами. Но осталась масса

вопросов, которые так и не были решены, да и вряд ли когда-нибудь решатся. И уж лучше отдать душу Иллюзионисту, испустив дух в кресле при очередном испытании, чем сгнить где-нибудь на грязной обочине или под мостом.

Но и это не главное. Недавно он краем глаза увидел свою медицинскую карту, и там, кажется, всё не очень хорошо. Хотя он не врач и не разбирается во всём этом. Но чутьё подсказывало ему, что...

Игорь тряхнул головой, пытаясь отогнать эти плохие мысли. Нет, уйти он никак не может. Лучше уж отдать душу Иллюзионисту...

...Шум, тихо играет музыка, детский смех и атмосфера праздника. Сегодня хороший день, за окном всё залито желтоватым светом ласкового солнца, тёплый ветерок колышет сочную листву деревьев, улыбчивые и счастливые люди гуляют по тротуарам, и даже собаки так беззаботно резвятся на лужайке, будто бы и нет сидящего рядом с недовольным видом кота.

– Дорогой, всё в порядке?

– Д-да... Просто настроение такое.

Игорь улыбнулся и приобнял Настю, ощутив, что за все эти годы она не растеряла своей формы, упругости, красоты и привлекательности, и всё так же желанна им. Да и он надеется, что она всё ещё испытывает к нему хотя бы какие-то добрые чувства. Но её поцелуй тут же развеял все эти сомне-

ния.

– Я сейчас приду.

– Хорошо, ждём!

Игорь снова выглянул в окно. Всё таки, ему тогда повезло. Последние сеансы с Иллюзионистом совершенно вымотали его и забрали последние капли здоровья. Он ковылял по городу, поблескивания своим новеньким протезом, смотрел по сторонам и завидовал всем этим счастливым и беззаботным людям. Он до сих пор помнит, как от этой зависти на глазах выступили слезы, а самое тёмное отчаяние с силой сжало его сердце. Но самое страшное, что тогда пришло чёткое осознание: никогда он не заработает столько, чтобы изменить свою жизнь к лучшему. И если он не сгниёт где-нибудь в канаве, то сгинет в кресле Иллюзиониста. И тут на его пути оказался тот самый киоск. Игорь всегда избегал этого, но сейчас что-то толкнуло его: он доковылял до киоска, ткнул пальцем в какие-то билеты, буркнув «Десять!», и кинул на прилавок мятую, но все ещё хрустящую бумажку. Получив билеты, он вернулся в институт и до самой ночи просто лежал в постели, размышляя о своём ничтожестве. А через неделю...

Игорь посмотрел на стену: там, в рамочке за стеклом, всё ещё висит этот билет. Выигрыш оказался неожиданным и неожиданно большим. И этот выигрыш стал спасением. Та огромная сумма денег, которая свалилась на него буквально с неба, стала поворотной точкой в его судьбе. Он сделал всё возможное, чтобы вернуться к нормальной жизни, забыть о

кошмаре последних лет и хотя бы попытаться позволить себе мечтать о будущем. И лишь одно грызёт его все эти годы: память так и не вернулась к нему...

Из соседней комнаты донёсся задорный смех и визги, выбежали внуки, обежали вокруг Игоря и, подобно ветру, унеслись прочь, с силой открыв дверь и выпорхнув на лужайку. Игорь улыбнулся.

А вот и Паша с Настей. Он помахал им через окно – те увидели его, улыбнулись и направились к дому. В институте он успел подружиться с ними, а потом стал крёстным для их старшего сына. Конечно, где-то в глубине души ещё томилась досада на то, что Настя не стала его, а выбрала Павла. Но Игорь встретил свою Настю. Нет, честно – он не искал девушку с таким же именем, она сама так внезапно появилась в его жизни, захватила его, увлекла, пленила душу и навсегда стала его женой. Затем матерью его детей, бабушкой внуков и прабабушкой правнуков.

Игорь улыбнулся. Всё-таки, ему тогда очень повезло. А ведь из тех испытателей, которых он знал по институту, почти никого не осталось в живых. Он ушёл так вовремя...

Игорь встретил Настю и Пашу. Они тут же, с порога, поздравили его и даже хотели вручить подарок, но он остановил их – все подарки будут позже. Тут появилась Настя, которая тоже поприветствовала гостей и проводила их к столу.

– Игорь, ты идёшь?

– Да, Настенька, пошли.

За большим столом собралась вся многочисленная родня, друзья и просто хорошие знакомые. Здесь были все дети, все внуки и многие правнуки, и даже девушка старшего внука, которая, по слухам, скоро должна поменять этот статус на что-то более серьёзное. Стол был полон праздничной еды и напитков, и только в центре остался пустой кружок – его специально приберегли под торт.

Праздник официального начался. Игоря поздравляли в прозе и в стихах, пели песни, преподносили подарки, а многочисленные внуки устроили небольшое театральное представление, которое растрогало всех взрослых и вызвало скупые слезы у бабушки.

Наконец, настало время праздничного торта.

Заиграла торжественная музыка, лица людей озарились улыбками, самые маленькие уже прыгали от нетерпения, желая запустить свои ручонки в мягкий белый крем. Торт был не сильно большим, но очень красивым, от него буквально исходила энергия праздника и важного торжества. Средний сын и дочь, действуя синхронно и ни на мгновение не переставая улыбаться, водрузили торт на стол и встали рядом с отцом.

Да, торт был восхитительным. Крем, украшения, аромат, и много свечей.

Много свечей...

Игорь вдруг замер. По спине пробежал холодок, а улыбка медленно сползла с лица.

И время будто остановилось. Вся его многочисленная родня замерла в самых неестественных позах, с безжизненными улыбками на лицах, с тусклыми глазами, с восковой кожей. Одна из его собак зависла в полёте, как зависла и птица, за которой смелый старый пёс и охотился.

Сто двадцать. Юбилей.

Отлично, но слишком много. Неправдоподобно много.

Игорь, остолбенев, продолжал смотреть на торт, и лишь усилием воли перевёл взгляд на свою жену, которую он любил все эти годы. Он помнил каждое мгновение, проведённое с ней, помнил каждую эмоцию, когда-либо испытанную ими, и всё у них было, как в той самой присказке – и в горе, и в радости... Он посмотрел на своих детей, на своих внуков и правнуков, он знал и любил их всех, он воспитал их хорошими людьми, он дал им всё, что мог дать.

И теперь они преподносят ему праздничный торт со сто двадцатью свечами.

Игорь судорожно сглотнул, облизнул сухие губы и...

– Оста...

Острые, шершавые, непривычные звуки застряли в его горле. Он не мог говорить. Он *не хотел* говорить.

Сухие губы сомкнулись. Язык, такой тяжёлый и будто чужой, драл нёбо, а горло сжималось от спазма. По коже, такой молодой и упругой, ползла скупая, солёная, горькая слеза.

Вдруг до его уха донеслись неразборчивые звуки музыки, чьи-то голоса, шум ветра за окном.

– Дорогой, всё в порядке? Ты что-то хотел сказать?

Настя подошла и обняла его. Как всегда обнимает, когда он нуждается в поддержке, о которой сам никогда не попросил бы.

– Д-да... Я...

Настя и все родственники взволнованно и даже с тревогой смотрели на него. Кажется, сейчас он выглядел не очень хорошо, и они просто беспокоились о его здоровье.

– Оставайтесь у нас погостить на несколько дней. Место в доме полно, а мы так давно всех вас не видели!

Настя ещё крепче обняла его и прильнула к груди, а дети, внуки и даже правнуки с удовольствием согласились. И все будто сразу забыли об этом кратком эпизоде, который едва не испортил праздник этому миру...

– Паша, он не выходит!

– Вижу...

Показатели были на пределе. Пульс зашкаливал, давление грозило разорвать артерии, активность мозга – как в самом жестоком эпилептическом приступе. Тело билось в конвульсиях, и никакие действия реанимационной бригады уже не помогали этому агонизирующему организму.

Он всё ещё в иллюзии, и иллюзия не отпускает его. А они всё ещё не знают способа принудительного выхода, поэтому вынуждены лишь беспомощно наблюдать за тем, как организм уничтожает сам себя.

– Паша, посмотри.

Настя показала на один из экранов. Паша быстро оценил ситуацию и даже присвистнул.

– Я же не совсем сошла с ума и умею читать данные?

– Или это правда, или мы оба с тобой сумасшедшие.

– Но получается...

Настя не договорила. а Паша, несмотря на всё происходящее вокруг, с изумлением изучал полученные данные. Колоссальный выброс эндорфина, серотонина, дофамина и окситоцина. Фантастическая активность отделов мозга, отвечающих за формирование субъективного ощущения счастья. Ни единого намёка на боль и негативные эмоции. Даже мозг самого счастливого в мире ребёнка не способен на такое.

В какой-то момент все показатели поползли вниз. Начали проскакивать маркеры выхода. Павлу показалось, Игорь начал приходить в себя – так бывает после произнесения заветной фразы и по завершению иллюзии. Но это длилось лишь краткий миг. Ошибка аппаратуры или?..

– Он умирает... от счастья? – наконец, сквозь слёзы смогла проговорить Настя, поразившись всей безумности этой мысли.

– Нет. Он умирает счастливым...